

*
*
*

Самое характерное и самое значительное явление в изображении человека в конце XIV—начале XV века — это своеобразный «абстрактный психологизм». Если в литературе XII—XIII веков, как мы уже видели в свое время,¹ изображались по преимуществу поступки людей и эти поступки характеризовались с точки зрения норм феодального поведения, то теперь в центре внимания писателей конца XIV—начала XV века оказались отдельные психологические состояния человека, его чувства, эмоциональные отклики на события внешнего мира. Но эти чувства, отдельные состояния человеческой души не объединяются еще в характеры. Проявления психологии не складываются в психологию. Связующее, объединяющее начало — характер человека — еще не открыто. Индивидуальность человека попрежнему ограничена прямолинейным отношением ее в одну из двух категорий — добрых или злых, положительных или отрицательных. Психологические состояния как бы «освобождены» от характера. Они могут меняться с необычайной быстротой, достигать невероятных размеров. Человек может становиться из доброго злым, при этом происходит мгновенная смена душевных состояний.

Новое понимание человека стоит в непосредственной связи с влиянием церковной идеологии, особенно сильно сказавшимся во всех литературных жанрах именно этого периода.

Согласно ортодоксальным взглядам церкви этого времени человек обладает свободой воли, он обладает свободой выбора между добром и злом. Выбрав добро, он может последовательно идти по пути добра и достичь святости; выбрав зло — пойти по пути (тоже последовательно) зла. Каждый человек может решительно изменить свой путь. Правда, последовательный праведник, вкусив истины, грешником не становится, но грешник на любой ступени своего падения может покаяться и стать сразу же праведником. Примерами таких превращений полна церковная литература XIV—XV веков, — превращений полных, не знающих компромиссов. Раз всё зависит от решения человека выбрать добро или зло, — он до конца последователен в этом. Он либо до конца свят, либо до конца зол. В первом случае он свят до полной абстрактности, во втором — всегда может резко измениться, стать добрым. Вот почему в литературе этого времени нет характера. Характер — это нечто более или менее устойчивое в человеке; характер может развиваться, изменяться, но он не может «превращаться» только в зависимости от решения человека. «Превращения» же и чрезвычайная неустойчивость психологических состояний — характерная черта житейной литературы этого времени. Все психологические состояния, которыми так щедро наделяет человека житейная литература конца XIV—XV веков, — это только внешние наслоения на основной, несложной внутренней сущности человека — доброй или злой, определяемой решением самого человека встать на тот или иной путь. Все психологические состояния — это как бы одежда, которая может быть сброшена или принята на себя.

В житии Стефана Пермского все жители Перми ведут себя диаметрально противоположным образом до крещения их Стефаном Пермским и после него. Их психологические состояния и до и после крещения описаны резко различными чертами, они обуреваемы совершенно противо-

¹ См.: Д. С. Лихачев. Изображение людей в летописи XII—XIII вв. Труды ОДРА, X, стр. 7—43.